

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-1-62-77
EDN: KWVSUS

Научная статья / Research article

Концептуальные основания продвижения Китаем идеи «Сообщества единой судьбы человечества»

Цзинюань Лю

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉ liujingyuan@mail.ru

Аннотация. В контексте всевозрастающего влияния КНР в мировой политике на фоне трансформации глобального миропорядка концепция «Сообщества единой судьбы человечества», определяющая основной вектор современной китайской внешней политики и дипломатии, получает признание и привлекает все более широкое внимание мирового сообщества. Направленная на поддержание добрососедства между странами и содействие мировому развитию, данная концепция отражает стремления не только современных китайских политиков, но и идеи традиционной китайской философской мысли, а также космополитизма и марксизма, развивая и актуализируя их. Так, в настоящем исследовании автором прослеживаются и анализируются теоретические обоснования продвижения концепции «сообщества единой судьбы человечества», в частности, раскрываются элементы китайской традиционной культуры, тема «человеческого сообщества» в западной философии, концептуальный синкретизм внешнеполитической мысли предшествующих поколений лидеров КНР и «теория отношений» — краеугольный камень китайской школы международных отношений.

Ключевые слова: КНР, глобальное управление, сообщество единой судьбы человечества, традиционная культура Китая, теория отношений

Для цитирования: Лю Цзинюань. Концептуальные основания продвижения Китаем идеи «Сообщества единой судьбы человечества» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 1. С. 62–77. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-1-62-77>

© Лю Цзинюань, 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The Conceptual Foundations of China's Promotion of the Idea of “a Community of a Shared Future for Mankind”

Jingyuan Liu

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ liujingyuan@mail.ru

Abstract. Due to the increasing influence of the People's Republic of China in world politics against the background of the transformation of the global world order, the concept of the “Community of the Common Destiny for Mankind”, which defines the main vector of modern Chinese foreign policy and diplomacy, is gaining recognition and attracting increasing attention from the global community. Aimed at maintaining good neighborliness between countries and promoting global development, this concept reflects the aspirations of not only modern Chinese politicians, but also the ideas of traditional Chinese philosophical thought, as well as cosmopolitanism and Marxism, developing and updating them. Thus, in this study, the author traces and analyzes the theoretical foundations for promoting the concept of a “Community of the Common Destiny for Mankind”: reveals elements of Chinese traditional culture, the theme of the “human community” in Western philosophy, the conceptual syncretism of foreign policy thought of the previous generations of Chinese leaders and the “theory of relations” — the cornerstone of the Chinese school of international relations.

Keywords: PRC, global governance, Community of the Common Destiny for Mankind, traditional culture of China, theory of relations

For citation: Liu, Jingyuan. (2024). The conceptual foundations of China's promotion of the idea of “a Community of a Shared Future for Mankind”. *RUDN Journal of Political Science*, 26(1), 62–77. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-1-62-77>

Введение

До недавнего времени Китай представлял собой закрытый мир для европейского сознания. Недавно, по историческим меркам, КНР в частности и восточный мир в целом в определенном плане «открыли двери» для западной цивилизации. Этот процесс был очень неоднозначным и долгим. Однако в определенном плане механизм объединения Запада и Востока уже начал свое движение. И политика Китая во многом поспособствовала данному процессу, выступая консолидирующим элементом. В настоящее время концепция «сообщества единой судьбы человечества» является ключевым понятием в системе теоретических обоснований участия Китая в реформировании современной системы глобального управления. КНР предлагает уникальный, отличный от западного путь мирового развития, основанный на китайском культурно-ценностном и историческом наследии. Согласно мнению исследователей А.В. Семенова и А.В. Цвыка, идея «сообщества единой судьбы человечества» представляет собой глобальный внешнеполитический проект, включающий в себя элементы традиционной китайской культуры и идеологии [Семенов 2019]. Рядом ученых было отмечено, что «китайская политика

претерпевает определенные изменения и в то же время остается верна своим принципам» [Барский 2021, Денисов 2015].

Помимо воззрений непосредственно китайских мыслителей проект «сообщества единой судьбы человечества» перекликается с некоторыми концепциями западной философской мысли, в которых, как и в китайской традиционной культуре, развитие получили идеи об общности и всемирной истории.

При этом, хотя стратегия КНР в некоторой степени опирается на постулаты традиционной политико-философской мысли, взгляды Китая на современный миропорядок, процессы глобализации и дальнейшее мировое развитие «правомерны и вполне конструктивны» [Салицкий 2019]. Исследователи отмечают, что китайцам в целом свойственен реализм и они, в первую очередь, смотрят на вещи с точки зрения практического применения [Кривохиж, Соболева 2019, Зуенко 2023; Кривохиж, Соболева 2017]. Фактически сегодня в Китае сложились основные исследовательские направления национальной школы международных отношений, повторяющие мировые тенденции: реализм (Янь Сюетун), неолиберализм (Су Чанхэ), конструктивизм (Цинь Яцин) [Ван 2006]. При этом, как отмечают П.А. Цыганков и Е.Н. Грачиков, среди китайских теоретиков более популярен конструктивизм [Цыганков, Грачиков 2015]. Относящаяся к категории конструктивизма теория отношений (关系理论) [Qin 2006; 2009; 2009; 2012] обеспечивает другую перспективу для понимания управления в целом и глобального управления в частности [Грачиков 2016]. Поэтому исследование генезиса указанной идеи в рамках конструктивистских положений предполагает возможность получения выводов, обладающих научной новизной.

Элементы китайской традиционной культуры в концепции «Сообщества единой судьбы человечества»

Истоки концепции «Сообщества единой судьбы человечества» можно обнаружить в традиционной культуре Древнего Китая, которая, помимо прочего, характеризуется большим разнообразием философских школ и течений, оказывающих значительное влияние на формирование китайской политики в тот или иной период развития страны.

Среди многообразия учений особую историческую роль сыграло конфуцианство. Именно вокруг конфуцианских социально-политических норм сформировалось общественное и государственное устройство Китая. Конфуцианство «является движущей силой для китайского народа»¹, и его изучение необходимо для понимания специфики китайского общества.

Одним из ключевых понятий конфуцианства, имеющим прямое отношение к концепции «сообщества единой судьбы человечества», является понятие гармонии или «Хэ» (和 — мир, гармония и согласие). Трактат «Лунь Юй» (论语) [Переломов 1998] содержит следующие воззрения Конфуция:

¹ Гэн Х. Конфуцианство и его влияние на социально-политическую жизнь современного Китая: автореф. дис. ... канд. полит. наук (23.00.02). Уссурийск, 2011.

«Цзюньцзы хэ эр бутун» (君子和而不同) — «Благородные мужи стремятся к гармонии, а не к единообразию; мелкий человек стремится к единообразию, но не к гармонии». Таким образом, можно заключить, что в глобальном управлении традиционные китайские и западные мировоззрения и ценности могут составлять гармоничные противоположности, даже если они существенно отличаются.

Добрососедство, наряду с гармонией, является важнейшим элементом традиционной китайской стратегической и дипломатической культуры. В известном конфуцианском трактате «Шан Шу» (尚书) говорится о «приведении к состоянию гармонии десяти тысяч соседствующих стран» (协和万邦). Это свидетельствует о том, что с древних времен Китай уделял особое внимание урегулированию отношений между народами мирным путем.

Также в классической книге доциньской конфуцианской эстетики «Лицзи» (礼记·乐) [Васильев 1988] есть известное выражение «стремление к единению при сохранении различий» (求同存异), обозначающее признание культурных различий, индивидуальности, уникальных характеристик и ценностей разных наций, регионов и культур на основе взаимопонимания. Характерной чертой сегодняшнего мироустройства также является разнообразие цивилизаций, которые невозможно разделить на хорошие и плохие: идея «сообщества единой судьбой человечества» признает разнообразие и различные цивилизационные и культурные сообщества, способствует их диалогу, обмену и гармоничному сосуществованию.

Кроме понятия «Хэ (和)» в классике конфуцианства «Лунь Юй» большое значение придается постулату: «Не делай другим того, чего не желаешь себе» (子所不欲, 勿施于人). Эти слова раскрывают важный принцип построения отношений между людьми: ставить себя на место другого и заботиться о других как о себе самом.

Конфуцианская школа имеет проницательный и уникальный взгляд на идею «человеколюбия» (仁爱). Мэн-цзы, представитель конфуцианской традиции после Конфуция, в своих трудах [Lau 2003] подчеркивал, что нужно «гуманно относиться к народу и любить все живое» (亲亲而仁民, 仁民而爱物). Он считал, что «чувствительное сердце — исток человеколюбия» (恻隐之心, 仁之端也). Человеколюбие, проповедуемое конфуцианством, подразумевает под собой любовь ко всему в мире и является разновидностью великой любви, отражающей стремление китайцев «облагодетельствовать мир» (兼济天下). Кроме того, идея человеколюбия, подчеркивает, что конфуцианская традиция, хотя и коренится в древности, остается актуальной и в современном мире, где вопросы гуманизма и уважения к человеческой жизни стоят особенно остро.

Мэн-цзы также выдвинул идею «покорения других добродетелью» (以德服人). Его размышление состоит в том, что опора лишь на силу в попытке покорения других людей приводит к отсутствию искреннего подчинения с их стороны. Он подчеркивает, что чиновники или правители должны управлять благотельно, чтобы иметь авторитет в глазах подчиненных. Также можно отметить, что идеи Мэн-цзы о «покорении добродетелью» коррелируют с моделью «мягкой

силы» (soft power), которая активно обсуждается на Западе. При этом китайская модель подразумевает не столько экспорт культуры или идей, сколько создание такой среды, в которой люди и государства будут импортировать Китаю в силу его моральных качеств и добродетелей.

Примечательно, что в отличие от христианской морали, где авторитет дается высшей небесной силой и простой человек не вправе его оспаривать, в китайской философской мысли важную роль играет степень заслуженности авторитета. Если авторитет не является заслуженным, он не может считаться полноправным авторитетом. Следовательно, если сравнивать с европейской христианской идеей, китайская традиционная мысль была более антропоцентрична, что и является основной особенностью конфуцианства.

Справедливо будет отметить влияние на современную внешнеполитическую стратегию Китая и таких философских концепций, как даосизм и моизм, составляющих наряду с конфуцианством основу древнекитайской политико-философской мысли и подчеркивающих важность естественных процессов, гармонии с природой и отсутствия насилия.

Так, например, основатель даосизма Лао-цзы в своем трактате «Дао дэ цзин» (道德经 «Книга о дао и дэ») говорит о негативных последствиях войн и предлагает человечеству «взгляд на мир из мира». Подобно конфуцианству, даосизм подчеркивает необходимость разнообразия (花独放不是春, 百花齐放春满园 — «Цветок, распустившийся один, — это не весна, но сто цветков, распустившихся вместе, наполняют сад весной») и уважительного отношения между различными цивилизациями, нациями, религиозными верованиями, идеологическими и ценностными системами и культурами.

Также даосизм акцентирует внимание на гармонии с природой. В современном контексте это выражено в экологической стратегии Китая и его стремлении к устойчивому развитию, которое вытекает из уважения к природной среде, наследуемое от даосизма. В то же время концепция «сообщества единой судьбы человечества» подразумевает, что глобальные проблемы, такие как климатические изменения или пандемии, не могут быть решены одной страной. Этот подход коренится в древнекитайском понимании взаимосвязанности всех явлений.

Мо-цзы, в свою очередь, предлагал и развивал идею естественного равенства всех людей, которая также нашла свое отражение и воплощение в современной, как внешней, так и внутренней политике Китая. Причем соблюдение принципа равенства всех стран является неотъемлемым фактором сегодняшней внешнеполитической деятельности КНР. Кроме того, моизм также подчеркивал важность общественной пользы и альтруизма, что отражается в стремлении Китая к сотрудничеству в решении глобальных проблем и укреплению многосторонних отношений.

Таким образом, можно утверждать, что идеи древнекитайской философско-политической мысли сегодня эффективно наследуются концепцией «сообщества единой судьбы человечества» и составляют ее основу, получая новое развитие, современное видение и практическое применение.

Концептуальные основы «человеческого сообщества» в западной философии

Исследуя теоретические основания идеи «сообщества единой судьбы человечества», необходимо отметить, что данная концепция является продолжением более ранних не только китайских, но и зарубежных идей. Так, размышления об общей судьбе человечества присутствуют и в трудах европейских мыслителей разных эпох. Философы всех времен, как китайские, так и зарубежные, имели свои взгляды на идею общности человеческой судьбы и истории. В частности, Ван Фань и Лин Шэнли пишут, что идея сообщества человеческой судьбы происходит от западных идей космополитизма (в частности идей И. Канта) и марксистской идеи сообщества [Wang, Ling 2023], которые будут рассмотрены ниже.

Как известно, современная западная политология развивается на основе политической мысли Древней Греции и Древнего Рима. Воззрения древнегреческих философов о «космополитизме» как о человеческом сообществе описывают любовь ко всему человечеству, которая выходит за пределы национальных границ. В то же время стоики, например, рассматривали космополитизм в человеческом социуме, а не вне его пределов и считали, что все люди равны между собой [Бичехвост 2010]. Эта идея равенства граждан тесно переплетается с коммунистической идеей о великом Китае, что можно рассматривать как точки соприкосновения между китайской цивилизацией и европейской политической мыслью.

Одним из наиболее заметных идеологов западного космополитизма является И. Кант. Он связывал космополитизм с концепцией «общественного разума», сформулировал универсалистский стандарт, выходящий за рамки системы национальных государств, и выступал за то, чтобы страна реализовала «вечный мир» посредством права всемирного гражданства [Kleingeld 1998]. В таком контексте преодоление всех границ, в том числе национальных, и, как следствие, выход за рамки национального государства, приводит к тому, что государство оказывается менее важным, чем человек. Примечательно, что подобные идеи не чужды и современному Китаю. В частности, идеи преодоления национальных границ находят свое отражение в официальном дискурсе, когда говорится о глобальном управлении. Подчеркивается, что по мере усиления процессов глобализации и международной конкуренции все большее число проблем фактически пересекает границы и ограничения «национальных государств». В то же время это позволяет и более эффективно отвечать на трансграничные вызовы и угрозы, поскольку задействованы консолидированные силы и ресурсы государств.

Более того, одной из целей формирования «Сообщества единой судьбы человечества» является преодоление национальных границ государств и идеологий с помощью «антропоцентризма». Цай То пишет: «Космополитизм и идея «сообщества единой судьбы человечества» неразрывно связаны. Они разделяют общие ценности, уделяют внимание общим интересам и развитию человечества и защищают их» [Цай 2018].

При этом в начале XX в., когда идеи космополитизма начали проникать в Китай, предполагалось, что единение с миром для Китая возможно только путем копирования и заимствования западной модели развития и общества.

На сегодняшний день, демонстрируя быстрое экономическое развитие и обладая всеобъемлющей национальной мощью, Китай может использовать свои собственные методы и стратегии участия в равноправном диалоге с Западом, а также эффективно продвигать свои идеологические и культурные взгляды, имеющие универсальное значение для мира [Ван Хун 2012].

Другим философским учением, идеи которого можно обнаружить в концепции «Сообщества единой судьбы человечества», является марксизм: китайские исследователи рассматривают китайскую концепцию миропорядка как наследие и современное развитие теоретической системы философии марксизма. Более того, исследователи связывают философские и культурные идеи марксизма с древнекитайскими воззрениями, в частности с конфуцианством. В свою очередь, концепция «сообщества единой судьбы человечества» воплощает идеи марксизма на практике, объединяя теорию с действительностью современного Китая. Как и в марксизме, в концепции содержатся размышления об основных проблемах и вызовах настоящего, а также идеи о необходимости совместного поиска решений глобальных вопросов, предотвращения конфликтов и противоречий. В то же время цивилизационное развитие предполагает гармонию и процветание всего мирового сообщества. Судьба человечества представляет собой целостное, систематическое и связанное единство, и председатель Си Цзиньпин подчеркивает, что Китаю следует решать не только свои вопросы, но и активно участвовать в процессе глобального управления и брать на себя ответственность как мировая держава [Liu 2019]. Также с китайской концепцией «сообщества единой судьбы человечества», в основе которой лежит представление о мировом сообществе и взаимосвязи людей различных национальностей, конфессий, цивилизаций, согласуются идеи свободного человеческого общества, предлагаемые К. Марксом и Ф. Энгельсом. Марксизм и китайская концепции миропорядка сближаются и в идеях о единстве противоположностей и мирном сосуществовании человека с природой. В своей речи Си Цзиньпинь говорит об общем доме для всего человечества, необходимости нести ответственность за будущие поколения и сохранении окружающей среды [Xi Jinping 2018].

Таким образом, можно заметить, что взгляды древнекитайских философов, как и идеологов современного Китая, тесно перекликаются с европейскими философскими концепциями космополитизма и марксизма, формируя теоретическое основание идеи «сообщества единой судьбы человечества».

Концептуальный синкретизм внешнеполитической мысли предыдущих поколений государственных лидеров Китая

Китай долгое время придерживался независимой внешней политики мира и всегда подчеркивал, что целью его внешней политики является поддержание мира по всему миру и содействие общему развитию. В 1950-е гг. Китай, Индия и Мьянма совместно отстаивали «пять принципов мирного сосуществования»:

- 1) взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности;

- 2) взаимное ненападение;
- 3) невмешательство во внутренние дела друг друга;
- 4) равенство и взаимная выгода;
- 5) мирное сосуществование.

Постепенно эти принципы получили широкое признание как основные нормы международных отношений и международного права. Тем не менее справедливо будет упомянуть, что Китай во времена правления Мао Цзэдуна допускал политику вмешательства в дела других государств, вел вооруженные конфликты, а «теория трех миров» по сути предусматривала разделение мира на три части.

В 1980-е гг. Дэн Сяопин, проведя анализ международной ситуации, выдвинул суждение о том, что «мир и развитие являются темой нынешней эпохи». В основе его политики лежали идеи реформ и открытости, а новый внешнеполитический вектор во многом был обусловлен новым экономическим курсом Китая. Можно сказать, что КПК провела критический анализ и пересмотр некоторых взглядов и политических действий Мао Цзэдуна периода культурной революции. С тех пор Китай всегда придерживался развития отношений с другими странами на основе «пяти принципов мирного сосуществования», активно содействовал установлению нового международного политического и экономического порядка. Мирная международная обстановка создала благоприятные условия для быстрого развития Китая, и страна добилась всемирно известных достижений в различных областях жизнедеятельности, в том числе экономике, внешней политике, безопасности, дипломатии и пр. Экономический успех Китая одновременно поддерживает развитие мировой экономики в целом. Поэтому программные решения Коммунистической партии Китая уже не являются для мира чем-то далеким и абстрактным. Связь между Китаем и миром становится все более тесной [Михеев, Луконин, Игнатъев 2017].

Ван Фань, декан Китайского университета иностранных дел, отмечает, что помимо «пяти принципов мирного сосуществования» основу официальной внешнеполитической стратегии Китайской Народной Республики составляют такие концептуальные идеи, как теория «мира и развития» Дэн Сяопина, «новая концепция безопасности» Цзян Цзэминя, теория «гармоничного мира» Ху Цзиньтао и концепция «китайской мечты» (中国梦) Си Цзиньпина [Wang, Ling 2023].

Формированию китайской национальной идеи поспособствовали некоторые особенности современного этапа развития Китая: значительное экономическое и социальное развитие, усиление влияния на мировой арене, отказ от политики «узкого регионализма» [Грачиков 2019], а также появление ресурсов и амбиций для обретения статуса мировой державы. В настоящее время Коммунистическая партия Китая, во главе с Генеральным секретарем Си Цзиньпином, ведет китайский народ к осуществлению «китайской мечты» (中国梦 Чжунго мэн) о «великом возрождении китайской нации», предложенной в 2012 г. на XVIII Всекитайском съезде КПК.

Реализация «китайской мечты» является важной стратегической концепцией, выдвинутой Си Цзиньпином, а также важным идеологическим достижением

китайских лидеров на новой исторической отправной точке, и служит для координации внутренней и международной ситуации. Си Цзиньпин определил «китайскую мечту» как «реализацию великого возрождения китайской нации, которая является величайшей мечтой современного китайского народа», и заявил, что эта мечта «обязательно сбудется».

В 2017 г. на XIX Всекитайском съезде КПК Китай объявил миру, что страна вступает в новую эру. Основой внешней политики современного Китая являются выдвинутые действующим Председателем КНР Си Цзиньпином «Идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи», которые по итогам XIX съезда были внесены в Конституцию КНР и Устав партии наравне с теоретическими положениями Дэн Сяопина и Мао Цзэдуна. «Идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи» сводятся к концептуальным положениям, включающим в себя претворение в жизнь строительства «сообщества единой судьбы человечества» и концепцию «китайской мечты» [Ломанов 2019].

Концепция «сообщества единой судьбы человечества» является наследницей «пяти принципов мирного сосуществования», идеи трех поколений прав человека и других важных теорий [Wang, Ling 2023].

Большая роль в концепции «сообщества единой судьбы человечества» и «китайской мечты» отводится мысли об исключительной роли Китайской Народной Республики как страны, продвигающей идею мирного развития, международного сотрудничества и «гармоничного мира», а также следующей китайским традиционным идеалам и ценностям, несущим пользу для всего мирового сообщества [Ломанов 2020]. Желая избежать нового соперничества между разными моделями общественного развития, Си Цзиньпин провозгласил на съезде цель строительства «сообщества единой судьбы человечества»². В основе этой политики лежит стремление к созданию более справедливой и разумной модели глобализации, которая соответствовала бы интересам не только развитого Запада, но и интересам развивающихся стран [Борох 2018].

Теория отношений мировой политики

Исследователь Цинь Яцин считает, что управление на основе правил — не единственное решение, возможны и другие полезные методы, основанные на опыте разных культур, их истории и политических практиках. В китайской культуре одним из важнейших понятий является понятие «отношения» (relationality, 关系) [Qin 2012]. Цинь Яцин попытался соединить западную теорию международных отношений и китайское культурное мышление,

² Xi Jinping. *Secure a Decisive Victory in Building a Moderately Prosperous Society in all Respects and Strive for the Great Success of Socialism with Chinese Characteristics for a New Era — Report Delivered at the 19th National Congress of the Communist Party of China (18 November 2017)*. Beijing, Renmin Chubanshe, 2017.

предложив теорию отношений мировой политики (Relational Theory of World Politics 国际政治的关系理论) [Qin 2018] или «реляционную» теорию³.

В своей теории отношений мировой политики Цинь Яцин выдвинул три основных допущения:

Во-первых, Цинь Яцин рассматривает международную систему как целостный и динамичный «мир отношений» [Qin 2006], состоящий из взаимосвязанных непрерывных событий и продолжающихся взаимодействий. Он указывает на контекстно-ориентированное общество, где вещи, люди, события существуют в сложном контексте (совокупности кругов человеческих отношений), без которого их существование станет невозможным. В таком мире отсутствует абсолютный рациональный ум, который бы выходил за пределы сложных человеческих отношений и мог бы принимать решения за акторов.

Во-вторых, идентичность и роль акторов определяется их отношениями: их действия характеризуются как рациональные или соответствующие нормам в зависимости от природы их отношений друг с другом. Цинь подчеркивает, что, хотя государства и являются акторами в мировой политике, анализ последней должен начинаться с изучения отношений между этими акторами, нежели с исследования самих государств. Доминирующие западные ТМО в основном фокусируются на индивидуальных акторах, а не на отношениях между ними. В этом, по мнению Цинь Яцина, заключается главная проблема ТМО как дисциплины, поскольку отсутствуют хорошо проработанные теории, рассматривающие именно отношения [Qin 2006].

В-третьих, большинство западных теорий (в том числе и конструктивизм) уделяют особое внимание структуре. Цинь сосредоточивается на процессах, которые он определяет как «динамические взаимодействия» [Qin 2012]. Процесс рассматривается как регулярные взаимодействия, закрепленные в социальных практиках и производящие социальные смыслы. Этот процесс имеет особое значение, потому что в ходе него «вырабатываются национальные интересы государства, развиваются нормы, возвращаются коллективные эмоции и строится общая идентичность через взаимодействие» [Huang 2016]. На таком интерактивном взаимодействии государств фокусируется теория «процессуального конструктивизма» [Qin 2006], которую также связывают с именем Цинь Яцина⁴.

Для понимания многообразных отношений, связывающих международных акторов, Цинь вводит два понятия на эпистемологическом уровне:

Во-первых, метаотношения (упрощенная форма рассмотрения всех отношений). В отличие от гегелевской диалектики отношения между двумя противоположными полюсами рассматриваются как неконфликтные.

³ Liao Fan. “Xi Thought” to be added to China’s Constitution. РСМД. URL: <http://www.iolaw.org.cn/global/en/new.aspx?id=63033> (accessed: 15.9.2023).

⁴ Пятачкова А. Единство противоположностей, или Новое прочтение классики? Развитие теории международных отношений в КНР // РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/nonwestern-china> (дата обращения: 05.10.2023).

Во-вторых, диалектика «Чжунюнь» (способ понимания и интерпретации этих метаотношений). Подразумевает, что одна половина всегда включает в себя часть другой, хотя они и разные.

Китайская диалектика не отрицает существование конфликта, наоборот, конфликт рассматривается как прогрессивный шаг на пути к гармонии, являющейся высшей формой жизни: здесь отсутствует дихотомия своих и чужих, частного и общего, противоположности дополняют друг друга и вместе создают гармоничное единство [Понька 2017]. Отличные друг от друга нормы и институты, взаимодействуя через процесс гармонизации, интегрируются в новом синтезе. На основании этого теория отношений может дать альтернативное объяснение взаимодействиям между субъектами разных культурно-цивилизационных слоев в глобальном обществе. Она предоставляет другую перспективу глобального управления. Нормы и институты Запада и Востока встречаются, взаимодействуют и развиваются в новые инклюзивные формы, которые более универсальны и надежны в истинном смысле [Qin 2011]. Таким образом, применение данного подхода в международных отношениях позволяет пересмотреть понимание сотрудничества и конфликта между акторами.

В целом управление на основе отношений — это подход, который отличается от управления по правилам. Некоторые западные ученые говорят о нем как о процессе, который позволяет «не полагаться на правила и положения, а достигать консенсуса посредством дискуссий и переговоров» [Davidson 2006]. Такой подход к управлению основывается на принципах взаимного доверия и уважения между участниками международных отношений.

Методы управления на основе отношений и на основе правил взаимозаменяют и дополняют друг друга, и каждый из них имеет свои преимущества в зависимости от объекта и содержания управления. Таким образом, управление на основе отношений, характерное для китайской культуры, и управление на основе норм, более присущее Западу, могут дополнять друг друга и генерировать наиболее эффективный и гуманный подход к глобальному управлению, что также согласуется с идеей «Сообщества единой судьбы человечества».

Заключение

Современный Китай активно исследует и применяет сложные концепции в сфере международных отношений. Особое внимание уделяется идеям, которые обогащают понимание глобальных отношений, преодолевая традиционные западные парадигмы. Центральное место в этих исследованиях занимает идея «сообщества единой судьбы человечества», которая находит свое отражение в различных теоретических учениях и конструкциях. В ходе исследования автором было выделено четыре группы ценностных и концептуальных оснований: во-первых, ценности традиционной китайской культуры, прежде всего конфуцианское понятие «гармонии»; во-вторых,

концептуальные основы «человеческого сообщества» в западной философии, в частности в идеях космополитизма и учениях марксизма; в-третьих, воззрения предыдущих поколений государственных лидеров из Коммунистической Партии Китая и видение текущего лидера КНР Си Цзиньпина в новую эпоху; в-четвертых, китайская теория международных отношений — теория отношений (реляционная теория) Цинь Яцина.

Все эти концептуальные основы служат базисом проекта «сообщества единой судьбы человечества» и демонстрируют преемственность идей древнекитайской философской мысли и культурных традиций, а также некоторых европейских идей о всеобщем мире, их эффективную интеграцию в глобальную внешнеполитическую стратегию сегодняшнего Китая наряду с современными теориями и концепциями международных отношений. Это свидетельствует о глубоком понимании Китаем многогранности и сложности современного мирового порядка и о его стремлении к построению гармоничных и устойчивых международных отношений.

Предложенный Китаем проект «сообщества единой судьбы человечества», основанный на идеях Востока и Запада, включающий элементы традиционного и современного, представляет особую ценность в контексте глобальных трансформаций, являясь альтернативой западному пути мирового развития. Кроме того, отмеченные пересечения западных и восточных философских учений в рамках концепции «сообщества единой судьбы человечества», а также опора на общекультурные идеалы человечества говорят о том, что идеи китайской внешнеполитической стратегии не чужды и современным западным обществам. Основные идеи китайского проекта, такие как процветание всего человечества, прочный мир и всеобщая безопасность, разнообразие и толерантность, равенство и открытость, учитывают интересы всех стран мира и нацелены на их развитие, что, в свою очередь, находит отклик и поддержку мирового сообщества. Тем не менее для достижения «китайской мечты» как самому Китаю, так и западным государствам необходимо консолидировать свои усилия, пересмотреть свои политические взгляды на ряд вопросов современности и взаимоотношения друг с другом, и в этом контексте идеи проекта «сообщества единой судьбы человечества» могут способствовать установлению нового миропорядка и системы взаимоотношений между странами, стать общечеловеческими ориентирами в процессе мирового развития. Тем не менее, хотя многие страны воспринимают китайскую концепцию миропорядка с интересом и оптимизмом, видя в ней возможность для многополярного мира, существуют и опасения относительно потенциального китайского гегемонизма. Это подчеркивает необходимость дальнейших исследований и диалога по данной теме.

Поступила в редакцию / Received: 18.05.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 24.09.2023

Принята к публикации / Accepted: 30.11.2023

Библиографический список

- Барский К.М., Виноградов А.В., Салицкий А.И.* О диалектическом единстве внутренней и внешней политики Китая. К 100-летию образования Коммунистической партии Китая // Вестник Российской академии наук. 2021. Т. 91. № 8. С. 703–712.
- Бичехвост А.Ф.* Политическая мысль Древнего Китая // Правовая политика и правовая жизнь. 2010. № 2. С. 189–196.
- Борох О., Ломанов А.* Новая эпоха Китая: от обогащения к усилению // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 3. С. 59–70. <http://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-3-59-70>
- Ван И.* Исследования международных отношений в Китае (1995–2005). Beijing University Press, 2006. [王逸舟, 中国国际关系研究 1995–2005, 北京大学出版社, 2006. 11p.]
- Ван Нин.* Космополитизм и его значение в современном Китае // Журнал Шаньдунского педагогического университета (издание для гуманитарных и социальных наук). 2012. № 6. С. 49–55. [王宁. 世界主义及其于当代中国的意义. 山东师范大学学报 (人文社会科学版)].
- Васильев Л.С.* Этика и ритуал в трактате «Ли Цзи». М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988.
- Грачиков Е.Н.* Китайская теория международных отношений // Международные процессы. 2016. Т. 14. № 3 (46). С. 68–80
- Грачиков Е.Н.* Становление китайской школы международных отношений: аналитические подходы и методы исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 2. С. 187–200. <http://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-2-187-200>
- Денисов И.Е.* Эволюция внешней политики Китая при Си Цзиньпине // Международная жизнь. 2015. № 5. С. 40–54.
- Зуенко И.Ю.* Китай как нормальная страна // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 4. С. 192–202. <http://doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-4-192-202>
- Кривохиж С.В., Соболева Е.Д.* Древность на службе современности: теория морального реализма Янь Сюэтуна и будущее мирового порядка // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 11. С. 76–84. <http://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-11-76-84>
- Кривохиж С.В., Соболева Е.Д.* Теория морального реализма Янь Сюэтуна // Незападные теории международных отношений: азиатские, африканские и латиноамериканские концепции мироустройства / под ред. Н.С. Кирабаев, Е.Н. Грачиков, Д.А. Дегтерев. М.: Аспект-пресс, 2019. С. 328–346
- Ломанов А.В.* Внешнеполитические идеи Си Цзиньпина // Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы / под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Стратегические изыскания, 2019. С. 55–83.
- Ломанов А.В.* Россия и Китай в «новую эпоху»: вызовы и перспективы // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XXV: ежегодное издание / отв. ред. Е.И. Сафронова М.: ИДВ РАН, 2020. С. 34–50.
- Михеев В., Луконин С., Игнатьев С.* Китай: фактор съезда и фактор Трампа // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 6. С. 23–32. <http://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-6-23-32>
- Переломов Л.С.* Конфуций «Лунь Юй». М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998.
- Понька Т.И., Бельченко А.С., Забелла А.А.* Китайский взгляд на теорию международных отношений // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 10. С. 76–86. <http://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-10-76-86>
- Салицкий А.И., Семенова Н.К.* Китайские представления о мироустройстве // Перспективы. Электронный журнал. 2019. № 2 (18). С. 50–60.

- Семенов А.В., Цвык А.В. Концепция «общего будущего человечества» во внешнеполитической стратегии Китая // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63. № 8. С. 72. <http://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-8-72-81>
- Цыганков П.А., Грачилов Е.Н. Проблема мирового порядка в китайской и российской политической науке: общее и особенное // *Политическая наука*. 2015. № 4. С. 22–39.
- Davidson P.J. The Role of Soft Law in the Governance of International Economic Relations in Asia // *Chinese (Taiwan) Year Book of International Law and Affairs*. 2006. Vol. 24, no. 1. P. 2. http://doi.org/10.1163/9789004424968_002
- Huang C.C., Shih C. *Harmonious Intervention: China's Quest for Relational Security*. New York, Routledge, 2016.
- Kleingeld P. Kant's Cosmopolitan Law: World Citizenship for a Global Order // *Kantian Review*. 1998. Vol. 2. P. 72–90.
- Lau D.C. (trans.). 2003. *Mencius*. Hong Kong: The Chinese University Press.
- Liu S. The Philosophic Interpretation of a Community of Shared Future for Mankind from the Perspective of the Marxist Philosophy // *Open Access Library Journal*. 2019. No 6. P. 1–5. <http://doi.org/10.4236/oalib.110554>
- Qin Y. *A Relational Theory of World Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. <http://doi.org/10.1017/9781316869505>
- Qin Y. Culture and Global Thought: Chinese International Theory in the Making // *Revista CIDOB d'Afers Internacionals*. 2012. Vol. 100. P. 67–89.
- Qin Y. Rule, Rules, and Relations: Toward a Synthetic Approach to Global Governance // *The Chinese Journal of International Politics*. 2011. Vol. 4, no. 2. P. 117–145.
- Qin Y. The Possibility and Necessity of a Chinese School of International Relations Theory // *World Economics and Politics*. 2006. № 3. P. 7–13.
- Wang F., Ling S. *A Community with a Shared Future for Humanity*. M.: Royal Collins Publishing Company, 2023.
- Xi Jinping. *About public administration*. II. Beijing: Foreign Language Literature Publishing House, 2018.
- Цай Т. Сравнительный анализ космополитизма и сообщества единой судьбы человечества // *Международные политические исследования*. 2018. № 39 (06). С. 9–24. [蔡拓.世界主义与人类命运共同体的比较分析.国际政治研究, 2018.39 (06): 9–24.]
- Цинь Я. *Отношения и процессы: культурные основания китайской теории международных отношений* М.: Шанхайское народное издательство. 2012. [秦亚青.关系与过程—中国国际关系理论的文化建构.上海人民出版社. 2012.]

References

- Barsky, K.M., Vinogradov, A.V., & Salitsky, A.I. (2021). Dialectic unity of the domestic and foreign policy of China on the centenary of the Communist Party of China. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 91(8), 703–712. (In Russian).
- Bichekhvost, A.F. (2010). Political thought of ancient China. *Legal policy and legal life*, (2), 189–196. (In Russian).
- Borokh, O.N., & Lomanov, A.V. (2018). China's new epoch: From seeking wealth to gaining strength. *World Economy and International Relations*, 62(3), 59–70. (In Russian). <http://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-3-59-70>
- Cai, T. (2018). A comparative analysis of cosmopolitanism and a community with a shared future for mankind. *International Political Studies*, 39(6), 9–24. (In Chinese). [蔡拓.世界主义与人类命运共同体的比较分析.国际政治研究, 2018, 39(06): 9–24].
- Davidson, P.J. (2006). The role of soft law in the governance of international economic relations in Asia. *Chinese (Taiwan) Year Book of International Law and Affairs*, 24(1), 2. http://doi.org/10.1163/9789004424968_002

- Denisov, I.E. (2015). The evolution of China's foreign policy under Xi Jinping. *International Affairs*, (5), 40–54. (In Russian).
- Grachikov, E.N. (2016). Chinese theory of international relations. *International processes*, 3(46), 68–80. (In Russian).
- Grachikov, E.N. (2019). Formation of the Chinese school of international relations: Analytical approaches and research methods. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19(2), 187–200. (In Russian). <http://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-2-187-200>
- Huang, C.C., & Shih, C. (2016). *Harmonious intervention: China's quest for relational security*. New York, Routledge.
- Kleingeld, P. (1998). Kant's cosmopolitan law: World citizenship for a global order. *Kantian Review*, (2), 72–90.
- Krivokhizh, S.V., & Soboleva, E.D. (2017). The past serving the present: Yan Xuetong's theory of moral realism and the future of the global order. *World Economy and International Relations*, 61(11), 76–84. (In Russian). <http://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-11-76-84>
- Krivokhizh, S.V., & Soboleva, E.D. (2019). Yan Xuetong's theory of moral realism. In N.S. Kirabaev, E.N. Grachikov & D.A. Degterev (Eds.), *Non-Western theories of international relations: Asian, African and Latin American concepts of the world order* (pp. 328–346). Moscow: Aspect Press. (In Russian).
- Lau, D.C. (2003). *Mencius*. Hong Kong: The Chinese University Press.
- Liu, S. (2019). The philosophic interpretation of a Community of Shared Future for Mankind from the perspective of the Marxist philosophy. *Open Access Library Journal*, 6, 1–5. <http://doi.org/10.4236/oalib.110554>
- Lomanov, A.V. (2019). Foreign policy ideas of Xi Jinping. In A. Viskresensky (Ed.), *Development model of modern China: Assessments, discussions, forecasts*. (pp. 55–83). Moscow: Strategic Research. (In Russian).
- Lomanov, A.V. (2020). Russia and China in the “new era”: Challenges and prospects. In E. Safronov (Ed.), *China in world and regional politics. History and modernity. Issue XXV: annual publication* (pp. 34–50). Moscow: IFES RAS (In Russian).
- Mikheev, V.V., Lukonin, S.A., & Ignatev, S.V. (2017). China: Congress factor and Trump factor. *World Economy and International Relations*, 61(6), 23–32. (In Russian). <http://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-6-23-32>
- Perelomov, L.S. (1988). *Confucius “Lun Yu”*. Moscow: Oriental literature. (In Russian).
- Ponka, T.I., Belchenko, A.S., & Zabella, A.A. (2017). Chinese view of the international relations theory. *World Economy and International Relations*, 61(10), 76–86. (In Russian). <http://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-10-76-86>
- Qin, Y. (2006). The possibility and necessity of a Chinese school of international relations theory. *World Economics and Politics*, (3), 7–13.
- Qin, Y. (2009). Relationality and processual construction: Bringing Chinese ideas into international relations theory. *Social Sciences in China*, 30(4), 5–20.
- Qin, Y. (2011). Rule, rules, and relations: Toward a synthetic approach to global governance. *The Chinese Journal of International Politics*, 4(2), 117–145.
- Qin, Y. (2012). *Process and Relation — Cultural Construction of China International Relations Theory (Chinese Edition)*. Shanghai: Shanghai Peoples Publishing House. (In Chinese). [秦亚青关系与过程—中国国际关系理论的文化建构. 上海人民出版社. 2012.]
- Qin, Y. (2018). A relational theory of world politics. *Cambridge University Press*. <http://doi.org/10.1017/9781316869505>
- Salitsky, A.I., & Semenova, N.K. (2019). Chinese ideas of world order: Tradition and modernity. *Perspectives. Electronic journal*, (18), 50–60. (In Russian).

- Semenov, A.V., & Tsvyk, A.V. (2019). The “Community of A Shared Future for Humankind” concept in China’s foreign policy strategy. *World Economy and International Relations*, 63(8), 72. (In Russian). <http://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-8-72-81>
- Tsygankov, P., & Grachikov, E. (2015). A matter of the world order in the Chinese and Russian political science: General and particular. *Political Science (RU)*, (4), 22–39. (In Russian).
- Vasiliev, L.S. (1988). *Ethics and ritual in the treatise “Li Ji”*. Moscow: Publishing house “Science”.
- Wang, F., & Ling, S. (2023). *A Community with a Shared Future for Humanity*. Royal Collins Publishing Company.
- Wang, Ning. (2012). Cosmopolitanism and Its Significanc. In *Contemporary China. Journal Of Shandong Normal University (Humanities And Social Sciences Edition)*, 57(006), 49–55. (In Chinese) [王宁. 世界主义及其于当代中国的意义. 山东师范大学学报 (人文社会科学版) 2012. No. 6. P. 49–55].
- Wang, Y. (2006). *China’s International Relations Research (1995–2005)*. Beijing University Press (In Chinese) [王逸舟. 中国国际关系研究 1995–2005, 北京大学出版社, 2006.].
- Xi, Jinping. (2017). *Secure a Decisive Victory in Building a Moderately Prosperous Society in all Respects and Strive for the Great Success of Socialism with Chinese Characteristics for a New Era — Report Delivered at the 19th National Congress of the Communist Party of China (18 November 2017)*. Beijing: Renmin Chubanshe.
- Zuenko, I.Y. (2023). China as a normal country. *Russi. In Global Politics*, 21(4), 192–202. (In Russian). <http://doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-4-192-202>

Сведения об авторе:

Лю Цзинюань — аспирант кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов (e-mail: liujingyuan@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-9810-9981)

About the author:

Jingyuan Liu — Postgraduate student — Department of Comparative Political Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University (e-mail: liujingyuan@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-9810-9981)